

Марк ЗАХАРОВ:

«Мертвые остаются с нами и вмешиваются в наши дела»

Корреспондент «МП» беседует с главным режиссером театра «Ленком» Марком Захаровым об открытии 70-го театрального сезона

ВАМ ОТПУЩЕНО СВЫШЕ...

- Марк Анатольевич, я хотела бы обозначить тему нашей беседы цитатой из вашей книги. Привожу ее для читателей «МП»:

«Изменение социальной температуры может оставаться некоторое время незамеченным для большинства людей, но истинный художник впитывает те незримые для прочих смертных процессы в околосмертном космическом пространстве, что предшествуют, скажем, разрушительному землетрясению. Истинный художник всегда провидец, он и бросается к людям, ощущая изменения в земном энергетическом потенциале, и просит людей покинуть их дома. Если он делает это среди ночи, прервав их сладкий сон, судьба художника может оказаться незавидной. (См. историю искусства). Настроение толпы людей, увы, не всегда соответствует настроению поэта...» (Марк Захаров «Контакты на разных уровнях»)

Не могли бы вы поделиться, какие именно изменения в околосмертном пространстве на сей раз нашли свое воплощение в ваших новых постановках и чем ленкомовцы будут удивлять зрителей в этом сезоне?

- Этот сезон для нашего коллектива знаменателен и дорог тем, что он семидесятый в истории театра. В 1927 году по инициативе московского комсомола был организован ТРАМ - Театр рабочей молодежи на основе самодеятельных коллективов. Путь был долгим и разнообразным. Мы стараемся все добрые традиции, которые были сформированы Иваном Николаевичем Берсеевым и еще более ранними нашими предками, сохранить, приумножить. И судя по переполненному зрительному залу, который продолжает нас радовать, мы в какой-то степени эту задачу выполняем.

Семьдесят лет - это повод, может быть, не для международного праздника в рамках ЮНЕСКО или ООН, но для нашего коллектива, наших поклонников и любителей театра - это серьезный рубеж.

В 70-м сезоне «Ленком» собирается выпустить спектакль по роману Достоевского «Игрок», условно названный «Варвар и еретики». И пьесу «Брат Чичиков» Нины Садуру по мотивам гоголевских «Мертвых душ».

- Кого из актеров вашей «звездной» труппы мы увидим на сцене?

- Мы постарались занять максимальное количество артистов. К нам пришел Армен Джигарханян, точнее сказать, вернулся. Кроме того, к нам пришли две молодые актрисы - Марьяна Цареградская и юная представительница знаменитой театральной династии Мироновых - Мария Андреевна Миронова. Она на

днях вступила на подмостки «Ленкома» в общем искрометном танце в «Женитьбе Фигаро», и в ближайшее время мы планируем ее ввод на роль Фаншетты.

- Ваши постановки всегда отличались острой социальной или политической направленностью...

- Да, но вы знаете, в последнее время мы стали очень осторожны насчет политики, так как все-ю перекормлены и устали. Прямых политических аллюзий или публицистических сентенций старались избежать. Занимались другими, более вечными и дорогими для человеческой души и сердца проблемами, связанными с жизнью человеческого Духа. И со всеми сложностями бытия, включая, конечно, и общие катаклизмы, которые так или иначе на нас влияют. Но тут мы стараемся быть последователями великого Антона Павловича Чехова, который тоже был не в стороне от политических бурь. Он чувствовал их приближение и умел это предчувствие реализовать в своих великих пьесах, но при этом никогда не выходил на прямые политические аллюзии.

- Каждая новая постановка - это всегда выражение некоего этапа внутреннего духовного поиска режиссера. С этой точки зрения, что нового вы хотите сказать зрителям? Помогите, это ваше первое обращение к Достоевскому?

- Действительно, наш театр (во всяком случае я) никогда не прикасался к произведениям Достоевского. Но Достоевский - это такая фигура, которая определила Дух и величие русской литературы. Это не просто великий писатель, это еще и наш пророк русский. И само прикосновение к его произведениям дает пищу для глубоких раздумий. Тем более что проблемы романа «Игрок» чем-то созвучны сегодняшним нашим тревогам и болям. Достоевский глубоко заглядывает в нашу русскую душу, подмечает в ней все сильные и слабые стороны. Рулетка, игра, надежда на авось, на шанс, который выпадет... И посмотрите сегодняшние телевизионные передачи - что-то все время крутится, мелькает, цифры какие-то, призы... Надо что-то угадать, и сразу можно разбогатеть. Стать обладателем очень ценного приза. Вот это неумное желание в одно мгновение, без целенаправленного, ритмически организованного, осмысленного труда, разбогатеть и осчастливить себя и своих близких - эта химера постоянно преследует нас.

Нечто подобное подметил и Гоголь в нашем русском характере. Потому что он ведь не встречал реального Плюшкина или Ноздрева. Позднее он говорил о том, что эти персонажи - стороны его собственного характера и души, что эти люди родились в

недрах его собственного подсознания.

Достоевский очень интересен тем, что он первым начал исследовать тот хаос, который существует в человеческом сознании. И доктор Фрейд во многом сформировал свою доктрину под влиянием исследований и творчества Ф.М. Достоевского.

- Ваши спектакли ассоции-

ваемый катарсис. Человек получил определенный запас энергии, радости, может быть, просто радости от общения с театром. И в его душу засеивались добрые семена.

- Размышляя так глубоко о сегодняшнем дне, вы наверняка задумывались и о том, что нас ожидает, о возможных изменениях, об обществе буду-

русского Духа, в силу русского самосознания, в русскую идею, как он ее понимал. И хочется здесь питаться его уверенностью, его энергией и пророческими суждениями, которые дают некую оптимистическую основу и надежду.

Я думаю, что всем нам надо как можно быстрее почувствовать, что у нас очень маленькая планета. Она уже подверглась негативным воздействиям земной цивилизации. Нанесен большой урон Природе. Мы рискуем войти в очень и очень опасную зону. А некоторые регионы планеты уже вошли в состояние тягелого экологического бедствия.

- Вы верите в изменение ситуации?

- Ситуация может измениться, когда мы проникнемся не межэтническими и межрегиональными, а общепланетарными идеями. Правда, боюсь, что мы до этих времен не доживем.

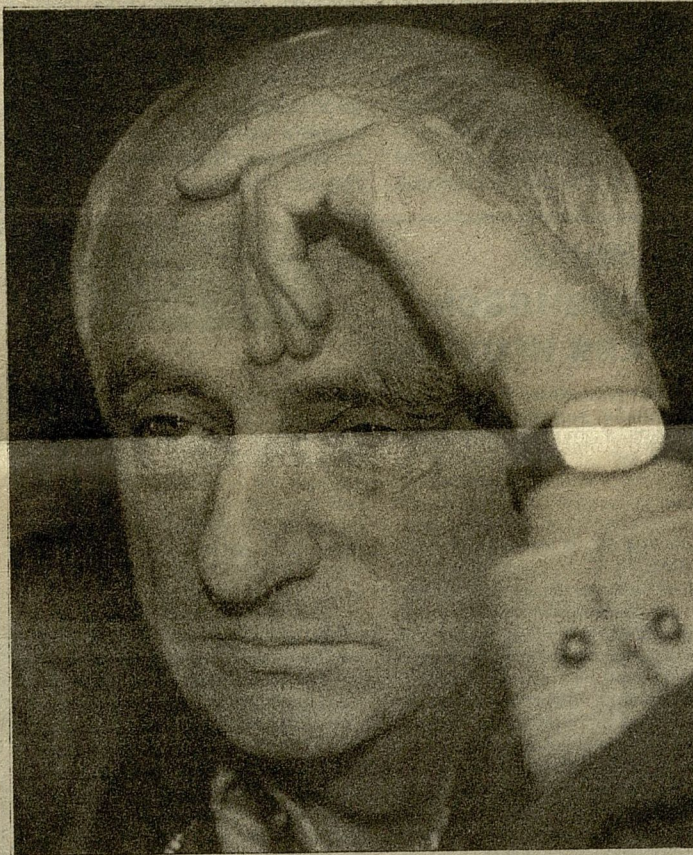
- Может, все не так уж мрачно, как это представляется. Поскольку «Мертвые остаются с нами и вмешиваются в наши дела». Кстати, вы верите в перевоплощение Души?

- Я верю, но однозначно сказать, что я ЗНАЮ об этом, - не могу. Я человек не религиозного склада, но верующий. И все-цело связан с православной верой. А она, по-моему, очень осторожно относится к идее перевоплощения Души. Вот на Востоке, в Индии, с этим делом все ясно. Человек, умирая, чувствует, что он вновь вступит на эту Землю или на какую-нибудь другую...

- Мне почему-то после ваших слов вспомнилась история, рассказанная вами после поездки во Францию с «Юноной» и «Авось». (Повторяю ее для читателей «МП»: «Однажды после второго выстрела артиста Павла Смейна в нашего дирижера Геннадия Трофимова, когда тот, трагически взмахнув руками, грохнулся на авансцене, одна солидная дама вывела из зала плачущего ребенка и строго сказала: «Да!.. Я не знаю, почему мсье постоянно стреляет в дирижера. Но у него отличный русский язык, и мы должны досмотреть ЭТО до конца!» Присутствующий рядом режиссер-постановщик вдруг осознал, что и сам до конца не очень понимает, зачем мсье постоянно стреляет в дирижера...»)

Так что нам, видимо, несмотря на некоторый переизбыток постановочных эффектов нашей Действительности, остается только досмотреть ЭТО до конца. И при этом, как вы верно заметили, хорошо бы успеть сделать выводы при жизни.

Подготовила
Елена КУРБАНОВА.

руются с праздником, фейерверком, надеждой на то, что в итоге «все будет хорошо». Достоевский - писатель сложный и, при определенной трактовке, мрачноватый. И тут, по-моему, все зависит от позиции режиссера и его собственного мироощущения. Может ли ленкомовский зритель в данном случае надеяться на «свет в конце туннеля»?

- Да, мы постепенно отказались от той насмешки, которая всегда сопровождала американские радостные фильмы и хэппи-энд. Как правило, к этому раньше относились с иронией. Сейчас мы понимаем, что так много тяжелого, страшного, трагического вокруг, так много разных эмоций витает в воздухе, что человеку, получившему некий заряд будоражащих идей, надо хотя бы внутренне зарядиться оптимизмом.

Шекспир это тоже хорошо понимал. У него бывало в конце пьес много смертей, трагедий и, тем не менее, люди после общения с его произведениями уходили очищенными через так назы-

щего? Каким оно вам представляется?

- Вы знаете, тут я не питаю особых примитивно-оптимистических иллюзий. Думаю, что природа человека и его характер, к сожалению, не поменялись с доблеиных времен. И современный разгул терроризма при нынешнем уровне развития цивилизации и при всех духовных ресурсах нашей культуры - европейской ли, американской - тому подтверждение. Мы все чаще и чаще убиваем друг друга. В этом отношении человек свободен, но несовершенен. В нем сидит много химер, и я не думаю, что будущее будет безоблачным и прекрасным. Мне кажется, что оно будет, напротив, трудным и тяжелым. Возникнут сложные общепланетарные проблемы экологического характера, которые могут приобрести вскоре трагический характер.

- Ну а как ощущается в связи с этим задача России?

- Вы знаете, мы ведь не случайно работали над Достоевским. Он верил в мощь именно